

тый родник, с шумом расплывающийся серебристыми лентами по скату, одетому изумрудным лугом... Рядом с случайным человеком тут хорошо устраиваются пролетные и гнездящиеся птички и во множестве летают разноцветные бабочки или украдкою, по утрам и вечерам пробираются на водопой осторожные, легкие газели.

Даже и теперь здесь чувствовалось некоторое оживление и уютность, даже и теперь ключевой скат был свободен от льда, сплошною корой залежавшего по озеровидной равнине. Ключ выбегал из земли сильной струей, чистейшей как кристалл воды, с температурою 1.4°C , весело журчавшей по крутизне ската. Серебристые звуки этого ручейка доставили мне лично величайшее наслаждение — словно в них заключался живой отзвук мелодии родных ручейков, приучивших нас с детства любить и ценить уголки чистой природы...

От Тала-хашата открывается широкий вид на Монгольский Алтай, на хорошо знакомый мне еще по предыдущему путешествию массив Арца-богдо, с его характерными воронкообразными вершинами. Туда, как раз, и убегала большая извилистая дорога, в соседстве которой залегает колодец Чацеринги-худук, — астрономический пункт Монголо-Камской экспедиции ¹⁾. Теперь по этой дороге, тащился большой торговый караван, везший в Куку-хото кожи, шерсть и другое сырье. Китайские верблюды выглядели страшно измученными, усталыми; не в лучшем виде были и проводники монголы, жаловавшиеся на стужу и бескормицу, из за которых они лишились до десяти вьючных животных.... Сравнительно с китайскими, наши верблюды считались хорошими, и мы совершенно безбоязненно смотрели на впереди лежавшие горы....

¹⁾ П. К. Козлов. «Монголия и Камь». Том I. Часть первая. Стр. 94—101.